

легкихъ успѣховъ, а теперь серьезные журналы, какъ „Nouvelle Revue“, называютъ его орудіемъ Пруссіи.

Мирные французы, переставшіе думать о возмездіи, прониклись вновь какимъ-то патріотическимъ возбужденіемъ; въ обществѣ и въ печати замѣчается безпокойство по поводу неподготовленности страны къ великой войнѣ, и главнымъ виновникомъ этой неподготовленности считается Жюль Ферри, тратившій военныя средства на „преступныя“ постороннія экспедиціи. Ненависть къ бывшему министру-президенту усиливается по мѣрѣ того, какъ поднимается затихшее-было чувство вражды къ Германіи. Виновато ли въ этомъ возбужденіи новое министерство Бриссона-Фрейсина? Перемѣна кабинета повліяла безспорно на отношенія Франціи къ Берлину; дѣловыя связи съ германскою имперіею приняли сразу болѣе холодный официальный оттѣнокъ. Общественное мнѣніе почувствовало разницу, вспомнило „священный долгъ“, забытый отчасти подъ вліяніемъ ненужныхъ тревогъ при Ферри, и осудило всю политику его, какъ опасную для будущаго и разорительную въ настоящемъ. Бриссонъ и Фрейсинъ выразили рѣшимость ликвидировать колоніальныя дѣла, начатія ихъ предшественниками, и не предпринимать никакихъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ отдаленныхъ краяхъ. Это заявленіе было понято въ смыслѣ намека на предстоящій поворотъ въ политикѣ Франціи, въ виду необходимой роли страны въ континентальной Европѣ. Французская перемѣнчивость сказалась тутъ вполне: вчерашніе кумиры низвергнуты безошадно; вопросы, казавшіеся чрезвычайно важными, признаны вдругъ вредными ловушками; Тонкинъ, Аннамъ, Мадагаскаръ сдѣлались ненавистными словами и служатъ чуть ли не ругательствами. Время Жюля Ферри прошло; подняться онъ можетъ только съ какимъ-либо новымъ девизомъ, который съ успѣхомъ замѣнилъ бы истрепанное колоніальное знамя. Ферри отрекся отъ излишнихъ колоній и выставилъ принципъ „объединенія правительственнаго большинства республиканцевъ на почвѣ радикальныхъ реформъ“ — принципъ столь же неопредѣленный, какъ и заманчивый для умѣренныхъ прогрессистовъ. Ферри особенно настаиваетъ на авторитетѣ власти въ республикѣ; но на что должна быть употреблена эта власть и какія реформы стоятъ теперь на очереди, — объ этомъ ораторъ не даетъ точныхъ объясненій. Не болѣе ясныя указанія даются другими дѣятелями. Клемансѣ отлично критикуетъ и разбиваетъ противниковъ, но выработать свою собственную программу ему не удалось до сихъ поръ; по крайней мѣрѣ его правительственная система мало кому извѣстна. Министры считаютъ долгомъ воздерживаться отъ участія въ выборной агитаціи, чтобы не нарушить свободы избирательнаго движенія; только нѣкоторые члены кабинета, какъ Алланъ-Тарже и